

Научная статья

УДК 347.9; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-83-96

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

✉Чуллийев Шухрат Аскарлович.

Институт законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

✉sh.chulliev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена трансформации судебного процесса через призму правового статуса судей в цифровую эпоху. Анализируются историческая эволюция статуса судей, его ключевые элементы и принципы – независимость, беспристрастность и подотчетность. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий, включая искусственный интеллект, онлайн-суды и алгоритмические инструменты, на судебную деятельность. Рассматриваются вызовы обеспечения независимости, этики и ответственности судей в условиях цифровизации. Обосновывается необходимость адаптации их правового статуса, развития цифровой компетентности и новых этических правовых подходов для сохранения доверия к правосудию.

Ключевые слова: трансформация судебного процесса, правовой статус судей, цифровая эпоха, судебная независимость, беспристрастность, подотчетность, искусственный интеллект в праве, онлайн-суды, цифровая компетентность, судебная этика

Для цитирования: Чуллийев Ш.А. Трансформация судебного процесса через призму правового статуса судей в цифровую эпоху // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 83–96. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-83-96

Scientific article

TRANSFORMATION OF THE JUDICIAL PROCESS THROUGH THE PRISM OF THE LEGAL STATUS OF JUDGES IN THE DIGITAL ERA

✉Chulliyev Shukhrat A.

Institute of legislation and legal policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

✉sh.chulliev@mail.ru

Abstract. The article examines the transformation of the judicial process through the lens of the legal status of judges in the digital age. It analyzes the historical evolution of judges' status, its key elements, and core principles—Independence, impartiality, and accountability. Particular attention is paid to the impact of digital technologies, including artificial intelligence, online courts, and algorithmic tools, on judicial activity. The challenges of ensuring judicial independence, ethics, and accountability in the context of digitalization are explored. The article substantiates the need to adapt the legal status of judges, develop digital competencies, and introduce new ethical and legal approaches to maintain trust in the justice system.

Keywords: transformation of the judicial process, legal status of judges, digital era, judicial independence, impartiality, accountability, artificial intelligence in law, online courts, digital competence, judicial ethics

For citation: Chulliyev Sh.A. Transformation of the judicial process through the prism of the legal status of judges in the digital era // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 83–96. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-83-96

Судебный процесс в современных правовых системах неразрывно связан с правовым статусом судей, который традиционно выступает фундаментом обеспечения независимости, беспристрастности и подотчетности судебной власти. На протяжении длительного времени содержание этого статуса формировалось под влиянием конституционных норм, отраслевого законодательства и профессионально-этических стандартов, определяющих пределы поведения судьи и гарантии его институциональной автономии. Такое понимание

обеспечивало устойчивость судебной деятельности и доверие к правосудию, задавая нормативные ориентиры функционирования судебного процесса.

Вместе с тем цифровая эпоха, характеризующаяся активным внедрением информационных технологий и инструментов искусственного интеллекта (ИИ), существенно трансформирует привычные представления о роли судьи и механизмах осуществления правосудия. Возникает необходимость переосмысления того, каким образом традиционная концепция правового статуса судей соотносится с новыми технологическими реалиями, и как эти изменения влияют на судебный процесс. Настоящая статья направлена на выявление направлений такой трансформации, включая анализ исторических основ, ключевых элементов правового статуса судей и воздействия цифровых технологий на их профессиональную деятельность в условиях современного развития судебной системы.

Историческая эволюция правового статуса судей

Концепция правового статуса судей значительно развивалась на протяжении всей истории – от рудиментарных судебных систем древних цивилизаций до сложных структур современных демократий.

По мере усложнения общественных отношений возрастала и потребность в институционализации судебной власти, что приводило к формированию более четких требований к профессиональным и этическим качествам судей. Одновременно происходило постепенное закрепление принципов их ответственности и ограничение произвольного усмотрения, что отражало стремление обществ к справедливости и правопорядку.

В этом контексте особый интерес представляет анализ ранних правовых памятников, в которых впервые были зафиксированы нормы, регулирующие деятельность судей и основы их статуса.

В древней Месопотамии Кодекс Хаммурапи (около 1754 г. до н. э.) установил один из самых ранних известных сводов законов, включая положения о поведении судей в разделах 5 и 6, которые касались судебной коррупции [1].

Римская правовая традиция, кодифицированная в *Corpus Juris Civilis* Юстиниана (529–534 гг. н.э.), далее развила концепцию судебной независимости, особенно в Книге 4, Разделе 3 о судебных обязанностях [2].

Английская система общего права, воплощенная в Великой хартии вольностей (1215 г.), ввела принцип надлежащей правовой процедуры и заложила основу судебной независимости в англосаксонских юрисдикциях, в частности в ст. 39 [3].

Французская революция и последующий Наполеоновский кодекс (1804 г.) оказали значительное влияние на системы гражданского права, подчеркивая роль судей как беспристрастных толкователей кодифицированного права, что видно из ст. 4 Гражданского кодекса [4].

В исламских правовых традициях концепция кади (судьи) была центральной, а принципы поведения судей были получены из религиозных текстов и научных толкований, таких как «Аль-Ахкам ас-Султанья» Аль-Мавариди (XI в.) [5].

Современное понимание правового статуса судей было в значительной степени сформировано конституционными изменениями XVIII и XIX вв., в частности Конституцией США (1787 г.) и ее положением о пожизненном сроке полномочий для федеральных судей в ст. III разд. 1.

Историческая эволюция правового статуса судей демонстрирует последовательное укрепление принципов независимости, беспристрастности и профессиональной ответственности судебной власти, которые в различных правовых традициях приобретали свои специфические формы, но сохраняли общую направленность на обеспечение справедливого правосудия. Накопленный исторический опыт позволяет рассматривать современный статус судьи как результат многовекового развития правовых идей и институтов, что, в свою очередь, предопределяет необходимость его дальнейшего осмысления и адаптации к новым социальным и технологическим условиям.

Основные компоненты правового статуса судей

Правовой статус судей состоит из ряда взаимосвязанных компонентов, которые в совокупности обеспечивают целостность и эффективность судебной системы. К числу таких компонентов традиционно относят порядок наделения судей полномочиями, гарантии их независимости, основания ответственности, а также требования к профессиональной и этической пригодности. При этом именно механизм формирования судейского корпуса играет ключевую роль, поскольку он определяет исходный уровень компетентности и беспристрастности представителей судебной власти.

В этой связи особое значение приобретает анализ процедур назначения судей как одного из базовых элементов их правового статуса. Процедуры назначения различаются в зависимости от юрисдикции, но в целом направлены на обеспечение отбора квалифицированных и беспристрастных лиц. В США федеральные судьи назначаются президентом и утверждаются сенатом, как указано в разд. 2 ст. II Конституции [6].

Гарантия пребывания в должности имеет решающее значение для независимости судебной системы, при этом во многих странах предусмотрены пожизненные или фиксированные сроки полномочий. Например, ст. 97 Основного закона Германии гарантирует пожизненные полномочия федеральным судьям [7].

Адекватное вознаграждение имеет важное значение для предотвращения коррупции и поддержания достоинства судебной должности. Основные принципы ООН о независимости судебных органов, принятые в 1985 г., подчеркивают важность обеспечения пребывания в должности, независимости, безопасности и вознаграждения судей в принципах 11–13 [8].

Процессы отстранения, как правило, являются строгими для защиты судей от произвольного увольнения. В Великобритании Закон о высших судах 1981 г. (разд. 11(3)) предусматривает, что старшие судьи могут быть отстранены от должности только монархом по представлению обеих палат парламента [9]. Европейская хартия о статусе судей (1998 г.) содержит всеобъемлющие руководящие принципы по этим компонентам, подчеркивая необходимость законодательной защиты статуса судей в статьях 1.1–1.4 [10].

Перечисленные основные компоненты все чаще подвергаются сомнению из-за технологических достижений, что ставит под сомнение их адекватность в цифровую эпоху и требует переоценки традиционных гарантий независимости и подотчетности судебной системы.

В этих условиях становится очевидным, что традиционные элементы правового статуса судей требуют не только сохранения, но и адаптации с учетом новых реалий, связанных с цифровизацией правосудия и расширением использования технологий в судебной деятельности. Возникает необходимость поиска баланса между инновациями и фундаментальными принципами независимости, беспристрастности и ответственности судей, что предопределяет дальнейшее развитие научных и практических подходов к определению их правового статуса.

Независимость судебной власти: теоретические основы и практическая реализация

Независимость судей является основополагающим принципом, лежащим в основе правового статуса судей, укорененным в политической философии и конституционной теории. Формирование данного принципа стало результатом длительного теоретического осмысления роли суда в системе государственной власти и его значения для обеспечения баланса между различными ветвями власти. При этом ключевое внимание уделялось разработке таких институциональных механизмов, которые позволяли бы оградить судей от внешнего давления и гарантировать их способность принимать решения, руководствуясь исключительно законом и внутренним убеждением.

В этой связи особую значимость приобретают классические политико-правовые концепции, заложившие основы современного понимания судебной независимости.

Концепция разделения властей Монтескье, сформулированная в «Духе законов» (1748 г., Книга XI, Глава 6), сыграла важную роль в формировании современного понимания независимости судей [11].

Александр Гамильтон в Федералистском документе № 78 более подробно остановился на важности независимой судебной системы как оплота против посягательств законодательной власти и злоупотреблений исполнительной власти [12].

В современной теории права работа Рональда Дворкина о роли принципов в принятии судебных решений, в частности в «Империи закона» (1986 г.), внесла вклад в тонкое понимание независимости судей в рамках правовой целостности [13].

Практическая реализация независимости судей различается в разных юрисдикциях. В Канаде Закон о Верховном суде (RSC 1985 г., гл. S-26, разд. 9) предусматривает независимость судей Верховного суда [14]. Конституционный суд Южной Африки, созданный в соответствии с разд. 8 Конституции Южной Африки (1996 г.), является примером институциональной независимости, его полномочия и функции четко определены в ст. 167 [15].

Финансовая автономия имеет решающее значение для судебной независимости, как признано в Бангалорских принципах поведения судей (2002 г., Принцип 1.6), где подчеркивается роль судебной системы в обеспечении достаточных ресурсов для ее функционирования. Задача в цифровую эпоху заключается в сохранении этих принципов независимости при адаптации к технологическим изменениям, которые могут повлиять на процессы принятия судебных решений и институциональные структуры.

В цифровую эпоху финансовая автономия судов приобретает новое значение: она должна включать не только контроль над бюджетом, но и способность самостоятельно внедрять и управлять цифровыми технологиями. Зависимость от внешних ИТ-структур или непрозрачных алгоритмов может подорвать судебную независимость. Поэтому критически важно, чтобы судебная система имела ресурсы и полномочия для разработки собственных цифровых решений, обеспечивая тем самым как технологическую, так и институциональную независимость.

Беспристрастность суда: этические стандарты и практические проблемы

Судебная беспристрастность – основа доверия к правосудию и ключевой элемент статуса судьи. В цифровую эпоху важно, чтобы технологии не подменяли суждение судьи и не влияли на его независимость. Алгоритмы и электронные системы должны быть прозрачными и подконтрольными, чтобы сохранить объективность и обеспечить справедливое разбирательство в новых условиях.

Типовой кодекс поведения судей, принятый Американской ассоциацией юристов, содержит всеобъемлющие руководящие принципы обеспечения судебной беспристрастности, в частности, в правиле 2.2 о беспристрастности и справедливости [16]. В Канаде Этические принципы для судей, опубликованные Канадским советом судей, предлагают подробные рекомендации по поддержанию беспристрастности (разд. В о беспристрастности) [17].

Теоретические основы понимания судебной беспристрастности включают работу философа-правоведа Х.Л.А. Харта о концепции права и роли судей в правовом обосновании, изложенную в «Концепции права» (1961 г.) [18]. Практические проблемы беспристрастности включают влияние средств массовой информации, как указано в Законе о неуважении к суду 1981 г. в Великобритании, который направлен на предотвращение предвзятого освещения в СМИ текущих судебных процессов (разд. 1 и 2) [19].

Личные предубеждения и конфликты интересов рассматриваются в различных этических кодексах, таких как Кодекс поведения судей США (Canon 3С о дисквалификации) [20]. Европейский суд по правам человека разработал обширную судебную практику по беспристрастности судей, интерпретируя ст. 6 Европейской конвенции о правах человека, как это было продемонстрировано в деле *Piersack v. Belgium* (1982).

Тем самым, цифровая эпоха вносит новые вызовы беспристрастности, такие как доступ судей к информации за пределами зала суда через онлайн-источники и потенциальное влияние рекомендаций, генерируемых ИИ, что требует переоценки традиционных этических стандартов и их применения в технологически продвинутой судебной среде.

В новых условиях важно установить четкие границы допустимого взаимодействия судей с цифровыми ресурсами, включая социальные сети, поисковые системы и автоматизированные аналитические инструменты. Эти границы должны учитывать как необходимость сохранения нейтралитета, так и новые формы воздействия – от алгоритмической предвзятости до скрытого влияния персонализированного контента.

Обновление этических стандартов должно сопровождаться постоянным обучением судей в области цифровой грамотности и понимания работы ИИ, чтобы они могли осознанно и критически использовать технологии без ущерба для своей беспристрастности.

Судебная ответственность в современном контексте

Подотчетность судебных органов представляет собой сложную задачу по балансированию между необходимостью надзора и сохранением независимости судебных органов. С одной стороны, общество вправе ожидать прозрачности и эффективности в работе судов, с другой – чрезмерное внешнее вмешательство может угрожать свободе принятия решений и подорвать принцип разделения властей.

В цифровую эпоху эта дилемма обостряется: новые инструменты аналитики и автоматизированной отчетности позволяют более точно оценивать работу судов, но при этом создают риск избыточного контроля, особенно если такие данные используются вне контекста или под политическим давлением.

Поэтому подход к подотчетности должен быть взвешенным: он должен усиливать качество правосудия, обеспечивая доступ к информации о судебной деятельности, но не вмешиваться в содержание судебных решений. Ключевым элементом здесь становится институциональная автономия судов при формировании стандартов отчетности и оценки, а также соблюдение принципов открытости, пропорциональности и профессиональной саморегуляции.

Противоречие между этими принципами очевидно при разработке механизмов подотчетности в различных правовых системах. В США Закон о поведении судей и инвалидности 1980 г. (28 USC §§ 351–364) устанавливает формальный процесс подачи жалоб на федеральных судей с конкретными процедурами, изложенными в разд. 351–353 [21]. Европейская сеть советов по судебной системе разработала руководящие принципы подотчетности судебных органов, подчеркивая прозрачность и этическое поведение, как подробно описано в ее отчете 2017 г. «Независимость, подотчетность и качество судебной системы» [22].

Оценки эффективности используются все чаще, как видно из Контрольных показателей качества для финской судебной системы, которые включают конкретные показатели эффективности и качества судебной системы [23]. Общественный контроль был усилен за счет таких инициатив, как публикация активов судей, как предписано Законом о прозрачности судебной системы в Румынии (Закон № 303/2004, ст. 5) [24]. Роль судебных советов в поддержании подотчетности иллюстрируется Высшим советом юстиции в Италии, созданным в соответствии со ст. 104 Конституции Италии, функции которого дополнительно определены в ст.ст. 105–110 [25].

Недавние споры, такие как скандал с коррупцией в судебной системе в Литве в 2018 г., высветили текущие проблемы в обеспечении эффективной подотчетности судебной системы при сохранении независимости. Цифровая эпоха добавляет новые измерения к подотчетности, включая прослеживаемость судебных решений с помощью цифровых записей и потенциал для аудита судебной деятельности с помощью ИИ, что поднимает вопросы о надлежащем балансе между технологическим надзором и судебным усмотрением.

Такие инструменты, как анализ судебных решений на предмет системных отклонений или необоснованных различий, могут повысить прозрачность и выявлять риски коррупции или предвзятости. Однако при отсутствии четких нормативных рамок они могут подорвать доверие к судебной автономии, особенно если алгоритмы используются непрозрачно или без учета контекста конкретных дел.

Это подчеркивает необходимость разработки этически обоснованных и юридически защищенных механизмов цифрового аудита, где технологии служат поддержкой, а не заменой профессионального суждения судей. Только в таком случае можно обеспечить подотчетность, не нарушая фундаментальный принцип независимости правосудия.

Цифровые технологии и меняющийся судебный ландшафт

Интеграция цифровых технологий в судебные системы кардинально меняет ландшафт отправления правосудия. Эти изменения затрагивают не только технические аспекты судебной деятельности, но и трансформируют традиционные представления о роли судьи, границах его усмотрения и характере принимаемых решений. Внедрение цифровых инструментов усиливает требования к прозрачности, обоснованности и воспроизводимости судебных актов, одновременно порождая новые риски, связанные с алгоритмической предвзятостью и ограниченной объяснимостью технологий.

В этом контексте особое значение приобретает анализ применения технологий ИИ в судебной практике. Применение ИИ в юридической сфере варьируется от предиктивной аналитики до автоматизированного обзора документов, примером чего является система COMPAS, используемая в некоторых судах США для оценки риска рецидивизма, которая стала предметом юридических проблем, в частности, в деле *State v. Loomis* (2016) [26]. Аналитика больших данных применяется для выявления закономерностей в прецедентном праве и прогнозирования судебных результатов, как это было показано в проекте прогнозирования Верховного суда, который продемонстрировал 75%-ную точность прогнозирования решений Верховного суда [27].

Системы разрешения споров в режиме онлайн (ODR), такие как Трибунал по гражданскому урегулированию в Британской Колумбии (Канада), созданный в соответствии с Законом о Трибунале по гражданскому урегулированию [SBC 2012] (гл. 25), революционизируют доступ к правосудию [28]. Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) опубликовала всеобъемлющие руководящие принципы по использованию ИИ в судебных системах, рассматривая как возможности, так и этические проблемы в своей «Европейской этической хартии по использованию ИИ в судебных системах и их среде» 2018 г. [29].

В Китае инициатива «Умный суд», изложенная в Мнениях Верховного народного суда об ускорении строительства умных судов (2017), демонстрирует амбициозную интеграцию ИИ и больших данных в судебные процессы с конкретными целями, изложенными в ст.ст. 1–5 [30].

Изложенные технологические достижения бросают вызов традиционным представлениям о судебной власти и принятии решений, поднимая вопросы о роли человеческого суждения во все более автоматизированной судебной среде и требуя переоценки основных компетенций, необходимых для судебных ролей в цифровую эпоху.

Одновременно усиливается необходимость разработки четких правовых и этических рамок, которые бы регулировали использование алгоритмических систем в судебной деятельности и обеспечивали сохранение фундаментальных гарантий справедливого разбирательства. Особую актуальность приобретает вопрос о пределах допустимого участия технологий в процессе принятия решений, где окончательное судебное усмотрение должно оставаться за человеком как носителем юридической ответственности.

ИИ и независимость судебной власти

Интеграция ИИ в судебные процессы создает значительные проблемы для традиционных концепций независимости судей. Появление алгоритмических систем в сфере правосудия ставит под вопрос традиционное понимание независимости судьи как автономного субъекта, принимающего решения исключительно на основе закона и внутреннего убеждения. Возникает необходимость переосмысления того, в какой степени технологические инструменты могут влиять на процесс судебного усмотрения, не подменяя при этом человеческую ответственность и институциональные гарантии независимости.

Особую остроту этим вопросам придает практика использования предиктивных алгоритмов в уголовном правосудии, где оценка рисков напрямую влияет на судебные решения о наказании и мерах пресечения. Инструменты предиктивного правосудия, такие как алгоритм управления исправительными правонарушителями для альтернативных санкций (COMPAS), используемый в некоторых штатах США, вызвали обеспокоенность по поводу алгоритмической предвзятости, влияющей на судебные решения, как подчеркивалось в анализе ProPublica за 2016 г. [31].

Европейская этическая хартия по использованию ИИ в судебных системах, принятая СЕРЕJ в 2018 г., решает эти проблемы в своих пяти принципах, особенно подчеркивая необходимость сохранения независимости судей в принципах 1 и 3 [29].

Природа «черного ящика» некоторых систем ИИ, где процесс принятия решений непрозрачен, бросает вызов способности судей принимать действительно независимые решения, как обсуждалось в деле *State v. Loomis* (2016) Верховного суда Висконсина, который боролся с использованием оценок COMPAS при вынесении приговоров [26].

В Эстонии проект Министерства юстиции по разработке «робота-судьи» с поддержкой ИИ для рассмотрения дел о мелких исках, объявленный в 2019 г., вызвал дебаты о пределах автоматизации в принятии судебных решений [32]. Потенциал стандартизации судебных рассуждений с помощью ИИ вызывает опасения по поводу эрозии судебного усмотрения, ключевого аспекта независимости, как это было исследовано в недавней научной литературе Ричарда Сасскинда в «Онлайн-судах и будущем правосудия» (2019) [33].

Рассмотренные выше разработки требуют тщательного пересмотра того, как концептуализируется и защищается судебная независимость в эпоху, когда системы ИИ могут все больше влиять на процессы принятия судебных решений или даже частично автоматизировать их.

В этих условиях особую значимость приобретает вопрос о распределении ответственности между судьей и алгоритмической системой, поскольку сохранение независимости невозможно без четкого разграничения вспомогательной и решающей роли технологий. Одновременно усиливается необходимость обеспечения прозрачности, объяснимости и проверяемости ИИ-инструментов, используемых в судебной практике, как ключевых гарантий недопущения скрытого внешнего влияния на судебное усмотрение.

Цифровая компетентность как новый элемент правового статуса судей

Концепция «цифровой компетентности» становится важнейшим аспектом правового статуса современных судей, отражая растущую технологическую сложность юридической практики. В условиях цифровой трансформации судебных систем владение базовыми и специализированными цифровыми навыками становится неотъемлемой частью профессиональной пригодности судьи. Это связано с необходимостью эффективного взаимодействия с электронными доказательствами, информационными системами судопроизводства и, в ряде случаев, алгоритмическими инструментами поддержки принятия решений.

Подобный подход получил институциональное закрепление в ряде международных и региональных документов, определяющих стандарты развития электронного правосудия и подготовки юридических кадров. Европейская стратегия электронного правосудия на 2019–2023 гг., принятая Советом Европейского союза, подчеркивает необходимость обучения цифровых навыков для юристов, включая судей, как указано в разд. 3.2 стратегического документа [34].

В США Федеральный судебный центр предлагает курсы по технологиям для федеральных судей, рассматривая такие темы, как кибербезопасность и электронное управление делами, в рамках своих программ непрерывного образования, предписанных 28 USC § 620 [35].

Национальный судебный колледж в Австралии интегрировал модули цифровой грамотности в свои программы судебного образования, признавая важность технологической компетентности для современных судей, что отражено в его Стратегическом плане на 2020–2023 гг. [36].

Опрос, проведенный Европейской сетью советов по вопросам судебной системы в 2020 г., выявил различные уровни цифровой компетентности среди судей в государствах – членах Евросоюза, что подчеркивает необходимость стандартизированного обучения, как подробно описано в разд. 3 отчета об исследовании [37].

Требование цифровой компетентности начинает влиять на процессы назначения судей, о чем свидетельствует включение Комиссией по назначению судей Великобритании «ИТ-навыков» в качестве критерия отбора для определенных судебных ролей, указанного в ее руководящих принципах критериев отбора 2020 г. [38]. Этот сдвиг поднимает вопросы о балансе технологической компетентности с традиционными судебными добродетелями, тема, исследуемая в недавнем академическом дискурсе о реформе судебного образования.

Интеграция цифровой компетентности в правовой статус судей отражает более широкую тенденцию к признанию технологической грамотности как основополагающего аспекта судебной компетентности в XXI в. Данная трансформация свидетельствует о постепенном расширении традиционного понимания профессиональных качеств судьи, включающего теперь не только юридическую квалификацию, но и способность эффективно работать в цифровой среде. В перспективе это может привести к дальнейшей институционализации требований к цифровой подготовке судей, закрепляемых как на уровне национального законодательства, так и в рамках международных стандартов судебной деятельности.

Онлайн-суды и трансформация судебной практики

Рост числа онлайн-судов и виртуальных слушаний существенно трансформирует судебную практику, и эта тенденция усилилась из-за пандемии COVID-19. Данная трансформация затрагивает не только организационные аспекты судопроизводства, но и влияет на доступ к правосудию, процессуальные гарантии и восприятие судебной процедуры участниками процесса. Одновременно онлайн-форматы требуют переосмысления традиционных принципов публичности, состязательности и непосредственности судебного разбирательства в новых технологических условиях.

Развитие нормативной базы в различных юрисдикциях отражает стремление институционализировать эти изменения и обеспечить их правовую определенность. В Англии и Уэльсе Закон о судах и трибуналах (онлайн-процедура) 2019 г. обеспечивает правовую основу для онлайн-судебных процедур, при этом конкретные положения об онлайн-судебных разбирательствах изложены в разд. 1–3 [39]. Трибунал по гражданскому урегулированию канадской провинции Британская Колумбия, созданный в соответствии с Законом о трибунале по гражданскому урегулированию [SBC 2012] (гл. 25), предлагает полностью онлайн-систему разрешения споров для определенных гражданских исков, ее юрисдикция и процедуры подробно описаны в разд. 3, 4 Закона [28].

Эти разработки бросают вызов традиционным представлениям о полномочиях зала суда и присутствии судей. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности опубликовало руководящие принципы по использованию удаленных слушаний для обеспечения справедливых судебных разбирательств, рассматривая такие вопросы, как показания свидетелей и публичный доступ, в разд. 3–5 своего руководящего документа [40]. Исследование Национального центра государственных судов США выявило влияние виртуальных разбирательств на стили судебного общения и процессы принятия решений, как подробно описано в его отчете 2020 г. «Виртуальные слушания и будущее работы судов» [41].

Комитет по электронным средствам Верховного суда Индии разработал всеобъемлющие правила для видеоконференций в судебных разбирательствах, решая проблемы поддержания судебного этикета в виртуальной среде, как указано в его Правилах видеоконференций 2020 г., в частности в Правилах 5–7 [42].

В Республике Узбекистан развитие онлайн-форматов судебного разбирательства также получило нормативное закрепление и отражает общую тенденцию цифровизации правосудия при сохранении процессуальных гарантий. Так, в соответствии со ст.ст. 208–209 Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан, судебное разбирательство может осуществляться в открытом заседании суда с обязательным извещением участников процесса, при этом допускается проведение открытых судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи, что приравнивается к непосредственному участию в судебном заседании в устной форме. Кодекс также предусматривает возможность аудио- и видеозаписи судебного заседания, а равно использование таких технологий при условии уведомления участников процесса и соблюдения установленного порядка фиксации и допуска записи. Кроме того, участие лиц в режиме видеоконференцсвязи осуществляется при наличии технической возможности и оформляется соответствующим судебным определением, при этом обеспечивается проверка явки, установление личности участников и надлежащее процессуальное оформление всех действий, включая разъяснение прав и обязанностей свидетелям, экспертам и иным участникам процесса с обязательной фиксацией соответствующих процедур средствами аудио- и видеозаписи [43].

Эти изменения побуждают к переоценке символических аспектов судебной власти и долгосрочных последствий для физического присутствия судов в системе правосудия, что требует пересмотра того, как судебное присутствие и полномочия проявляются в цифровой среде. Одновременно усиливается значение разработки единых стандартов цифрового судопроизводства, направленных на обеспечение сопоставимого уровня процессуальных гарантий как в традиционных, так и в виртуальных судебных заседаниях. В перспективе это может привести к формированию гибридной модели правосудия, в которой цифровые и очные форматы будут взаимно дополнять друг друга, сохраняя при этом фундаментальные принципы справедливого судебного разбирательства.

Переосмысление судебной этики в цифровую эпоху

Цифровая эпоха требует переосмысления судебной этики для решения новых задач, поставленных технологиями. Расширение использования цифровых технологий в судебной деятельности порождает новые этические дилеммы, связанные с онлайн-коммуникацией, использованием социальных сетей и взаимодействием с цифровыми источниками информации. В этих условиях возрастает необходимость адаптации этических стандартов к реалиям, в которых границы между публичным и частным поведением судьи становятся более размытыми, а риски влияния внешних цифровых факторов – более значимыми.

Эти изменения подталкивают к пересмотру существующих международных и национальных кодексов судейского поведения, заложивших основы профессиональной этики в классическом виде. Традиционные кодексы поведения судей, такие как Бангалорские принципы поведения судей (2002), пересматриваются в свете цифровых реалий, особенно в отношении Принципов 1 и 2 о независимости и беспристрастности [44].

Использование социальных сетей судьями стало предметом особой озабоченности, о чем свидетельствует Официальное заключение 462 Американской ассоциации юристов об использовании судьями электронных социальных сетей (2013), которое содержит конкретные рекомендации в разд. II и III [45]. В Великобритании Руководство по поведению судей (2018) включает конкретные рекомендации по использованию судьями социальных сетей и онлайн-исследований в гл. 8, п.п. 8.10–8.12 [46]. Дело Первиса против комиссара внутренних доходов (2017) в Налоговом суде США подчеркнуло этические последствия проведения судьями независимых онлайн-исследований, а решение суда затрагивает этот вопрос в разд. II.A [47].

Продолжаются усилия по обновлению этических принципов, при этом Глобальная сеть честности судебных органов Управления ООН по наркотикам и преступности разрабатывает ресурсы по использованию социальных сетей для судей, как указано в ее отчете 2018 г. «Необязательные руководящие принципы использования социальных сетей судьями» [48]. Эти разработки отражают продолжающуюся проблему баланса между личными свободами судей и их профессиональными обязанностями в цифровой сфере, тема, которая продолжает развиваться по мере развития технологий и изменения общественных норм. Переопределение судебной этики в цифровую эпоху требует тщательного рассмотрения того, как традиционные этические принципы могут применяться в новых технологических контекстах, сохраняя при этом честность и общественное доверие к судебной системе.

Цифровая эпоха существенно трансформирует традиционные представления о правовом статусе судей, одновременно ставя под сомнение устоявшиеся принципы и открывая новые возможности для повышения эффективности и доступности правосудия. Эти изменения требуют более гибкого взгляда на роль судьи в условиях технологически насыщенной среды.

Цифровая эпоха радикально переосмысливает традиционные представления о правовом статусе судей, одновременно ставя под вопрос устоявшиеся доктринальные основания и открывая новые горизонты для повышения эффективности, прозрачности и доступности правосудия. В этих условиях трансформация судебной роли приобретает комплексный характер, требующий учета не только технологических факторов, но и их влияния на природу судебной власти.

Внедрение ИИ в судебные процессы, развитие онлайн-судопроизводства и расширение цифровых компетенций судейского корпуса формируют необходимость тонкой и выверенной перекалибровки соотношения между независимостью суда, его подотчетностью и неизбежной технологической адаптацией. Такая трансформация требует сохранения устойчивых гарантий правосудия при одновременном осмысленном включении инновационных инструментов в судебную практику.

В этих условиях особую актуальность приобретают дальнейшие научные исследования, углубленные этико-правовые дискуссии и последовательные институциональные реформы, направленные на сохранение фундаментальных принципов правосудия при одновременной интеграции цифровых реалий в судебную систему. В совокупности это формирует потребность в более гибком, динамичном и адаптивном подходе к судебному управлению в XXI в., учитывающем реалии, которые определяет этот меняющийся ландшафт.

Список источников

1. Harper R.. The Code of Hammurabi, King of Babylon: About 2250 B.C. University of Chicago Press, 1904.
2. Scott S.P. The Civil Law: Including the Twelve Tables, the Institutes of Gaius, the Rules of Ulpian, the Opinions of Paulus, the Enactments of Justinian, and the Constitutions of Leo. Central Trust Company, 1932.
3. Великая хартия вольностей 1215 г. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_1215.phtml?id=12823 (дата обращения: 29.01.2026).

4. Гражданский кодекс французов (Гражданский кодекс Наполеона) 1804 г. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/20/1148800493/%D0%A4%D0%93%D0%9A%201804.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
5. Al-Mawardi A. The Ordinances of Government (Al-Ahkam al-Sultaniyya). Garnet Publishing. (Original work published in 11th century), 1996
6. Конституция США, ст. II, разд. 2. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 29.01.2026).
7. Основной закон Федеративной Республики Германия, ст. 97. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
8. Организация Объединенных Наций 1985 г. Основные принципы независимости судебных органов URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ОНCHR-1985> (дата обращения: 29.01.2026).
9. Senior Courts Act 1981, с. 54 § 11(3) (UK).
10. Совет Европы. Европейская хартия о законе о статусе судей 1998 г. URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 29.01.2026).
11. Монтескье Ш. О духе законов 1748 г. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.О> (дата обращения: 29.01.2026).
12. Американские федералисты: Гамильтон, Медисон, Джей. Избранные статьи. Статья № 78. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/amerikanskie_federalisty_statji_1990__ocr.pdf (дата обращения: 29.01.2026).
13. Дворкин Р. Империя права 1986 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-prava> (дата обращения: 29.01.2026).
14. Supreme Court Act, R.S.C. 1985, с. S-26, § 9 (Can.).
15. Конституция Южно-Африканской Республики 1996 г., разд. 8, ст. 167 URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (дата обращения: 29.01.2026).
16. American Bar Association. Model Code of Judicial Conduct, 2011.
17. Canadian Judicial Council. Ethical Principles for Judges, 2021.
18. Харт Г.Л.А. Понятие права 1961 г. URL: <https://studfile.net/preview/16792321/> (дата обращения: 29.01.2026).
19. Contempt of Court Act 1981, с. 49 (UK).
20. Кодекс поведения судей Соединенных Штатов 2019 г. Административное управление судов США URL: <https://mosmediator.narod.ru/index/0-364> (дата обращения: 29.01.2026).
21. Judicial Conduct and Disability Act of 1980, 28 U.S.C. §§ 351–364.
22. European Network of Councils for the Judiciary. Independence, Accountability and Quality of the Judiciary, 2017.
23. Finnish Courts Administration. Quality Benchmarks for the Finnish Courts, 2020.
24. Law no. 303/2004 on the Status of Judges and Prosecutors (Rom.).
25. Конституция Итальянской Республики 1948 г. (ст. 104–110) URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
26. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). This case addressed the use of algorithmic risk assessments in sentencing, highlighting concerns about due process and the use of proprietary algorithms in criminal justice.
27. Ruger T.W., Kim P.T., Martin A.D., Quinn K.M. The Supreme Court forecasting project: Legal and political science approaches to predicting Supreme Court decisionmaking // Columbia Law Review. 2004. № 104(4). P. 1150–1210.
28. Civil Resolution Tribunal Act, SBC 2012, с. 25 (Can.).
29. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях 2018 г. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 29.01.2026).
30. Supreme People's Court of China. Opinions on Accelerating the Construction of Smart Courts, 2017.

31. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine bias. ProPublica, 2016.
32. Ministry of Justice of Estonia. Artificial intelligence in the courts of Estonia, 2019.
33. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford University Press, 2019.
34. Council of the European Union. E-Justice Strategy, 2019–2023.
35. Federal Judicial Center. Education and Training, 2020.
36. National Judicial College of Australia. Strategic Plan, 2020–2023.
37. European Network of Councils for the Judiciary. Digital Justice Report, 2020.
38. UK Judicial Appointments Commission. Selection Criteria, 2020.
39. Courts and Tribunals (Online Procedure) Act 2019. С. 16 (UK).
40. Управление ООН по наркотикам и преступности. Руководство по обеспечению доступа к правосудию в контексте COVID-19 2020 г. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2020/Guidance-Addressing-emerging-human-trafficking-trends-and-consequences-of-the-COVID-19-pandemic-ru.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
41. National Center for State Courts. Virtual Hearings and the Future of Court Operations, 2020.
42. Supreme Court of India e-Committee. Video Conferencing Rules, 2020.
43. Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3517334#3520857> (дата обращения: 29.01.2026).
44. Управление ООН по наркотикам и преступности. Бангалорские принципы поведения судей 2002 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 29.01.2026).
45. American Bar Association. Formal Opinion 462: Judge's Use of Electronic Social Networking Media, 2013.
46. Courts and Tribunals Judiciary. Guide to Judicial Conduct, 2018.
47. Purvis v. Commissioner of Internal Revenue, 148 T.C. This case addressed the ethical implications of judges conducting independent online research, emphasizing the importance of relying on evidence presented in court. 2017. № 7.
48. United Nations Office on Drugs and Crime. Non-Binding Guidelines on the Use of Social Media by Judges 2018 // Управление ООН по наркотикам и преступности. Не имеющие обязательной силы руководящие принципы использования социальных сетей судьями URL: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/social_media_guidelines/Non-binding_Social_Media_Guidelines_RU.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

References

1. Harper R.. The Code of Hammurabi, King of Babylon: About 2250 B.C. University of Chicago Press, 1904.
2. Scott S.P. The Civil Law: Including the Twelve Tables, the Institutes of Gaius, the Rules of Ulpian, the Opinions of Paulus, the Enactments of Justinian, and the Constitutions of Leo. Central Trust Company, 1932.
3. Velikaya hartiya vol'nostej 1215 g. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_1215.phtml?id=12823 (data obrashcheniya: 29.01.2026).
4. Grazhdanskij kodeks francuzov (Grazhdanskij kodeks Napoleona) 1804 g. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/20/1148800493/%D0%A4%D0%93%D0%9A%201804.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
5. Al-Mawardi A. The Ordinances of Government (Al-Ahkam al-Sultaniyya). Garnet Publishing. (Original work published in 11th century), 1996
6. Konstituciya SSHA, st. II, razd. 2. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
7. Osnovnoj zakon Federativnoj Respubliki Germaniya, st. 97. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).

8. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsij 1985 g. Osnovnye principy nezavisimosti sudebnykh organov URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/OHCHR-1985> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
9. Senior Courts Act 1981, c. 54 § 11(3) (UK).
10. Sovet Evropy. Evropejskaya hartiya o zakone o statuse sudej 1998 g. URL: <http://online.zakon.kz/> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
11. Montes'k'e SH. O duhe zakonov 1748 g. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
12. Amerikanskie federalisty: Gamil'ton, Medison, Dzhej. Izbrannye stat'i. Stat'ya № 78. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/amerikanskie_federalisty_statji_1990__ocr.pdf (data obrashcheniya: 29.01.2026).
13. Dvorkin R. Imperiya prava 1986 g. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-prava> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
14. Supreme Court Act, R.S.C. 1985, c. S-26, § 9 (Can.).
15. Konstituciya YUzhno-Afrikanskoj Respubliki 1996 g., razd. 8, st. 167 URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
16. American Bar Association. Model Code of Judicial Conduct, 2011.
17. Canadian Judicial Council. Ethical Principles for Judges, 2021.
18. Hart G.L.A. Ponyatie prava 1961 g. URL: <https://studfile.net/preview/16792321/> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
19. Contempt of Court Act 1981, c. 49 (UK).
20. Kodeks povedeniya sudej Soedinennykh Shtatov 2019 g. Administrativnoe upravlenie sudov SSHA URL: <https://mosmediator.narod.ru/index/0-364> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
21. Judicial Conduct and Disability Act of 1980, 28 U.S.C. §§ 351–364.
22. European Network of Councils for the Judiciary. Independence, Accountability and Quality of the Judiciary, 2017.
23. Finnish Courts Administration. Quality Benchmarks for the Finnish Courts, 2020.
24. Law no. 303/2004 on the Status of Judges and Prosecutors (Rom.).
25. Konstituciya Ital'yanskoj Respubliki 1948 g. (st. 104–110) URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
26. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). This case addressed the use of algorithmic risk assessments in sentencing, highlighting concerns about due process and the use of proprietary algorithms in criminal justice.
27. Ruger T.W., Kim P.T., Martin A.D., Quinn K.M. The Supreme Court forecasting project: Legal and political science approaches to predicting Supreme Court decisionmaking // Columbia Law Review. 2004. № 104(4). P. 1150–1210.
28. Civil Resolution Tribunal Act, SBC 2012, c. 25 (Can.).
29. Evropejskaya komissiya po effektivnosti pravosudiya. Evropejskaya eticheskaya hartiya ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemah i okruzhayushchih ih realiyah 2018 g. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
30. Supreme People's Court of China. Opinions on Accelerating the Construction of Smart Courts, 2017.
31. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine bias. ProPublica, 2016.
32. Ministry of Justice of Estonia. Artificial intelligence in the courts of Estonia, 2019.
33. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford University Press, 2019.
34. Council of the European Union. E-Justice Strategy, 2019–2023.
35. Federal Judicial Center. Education and Training, 2020.
36. National Judicial College of Australia. Strategic Plan, 2020–2023.
37. European Network of Councils for the Judiciary. Digital Justice Report, 2020.
38. UK Judicial Appointments Commission. Selection Criteria, 2020.
39. Courts and Tribunals (Online Procedure) Act 2019. C. 16 (UK).

40. Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. Rukovodstvo po obespecheniyu dostupa k pravosudiyu v kontekste COVID-19 2020 g. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2020/Guidance-Addressing-emerging-human-trafficking-trends-and-consequences-of-the-COVID-19-pandemic-ru.pdf> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
41. National Center for State Courts. Virtual Hearings and the Future of Court Operations, 2020.
42. Supreme Court of India e-Committee. Video Conferencing Rules, 2020.
43. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Uzbekistan. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3517334#3520857> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
44. Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. Bangalorskie principy povedeniya sudej 2002 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (data obrashcheniya: 29.01.2026).
45. American Bar Association. Formal Opinion 462: Judge's Use of Electronic Social Networking Media, 2013.
46. Courts and Tribunals Judiciary. Guide to Judicial Conduct, 2018.
47. Purvis v. Commissioner of Internal Revenue, 148 T.C. This case addressed the ethical implications of judges conducting independent online research, emphasizing the importance of relying on evidence presented in court. 2017. № 7.
48. United Nations Office on Drugs and Crime. Non-Binding Guidelines on the Use of Social Media by Judges 2018 // Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. Ne imeyushchie obyazatel'noj sily rukovodyashchie principy ispol'zovaniya social'nyh setej sud'yami URL: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/social_media_guidelines/Non-binding_Social_Media_Guidelines_RU.pdf (data obrashcheniya: 29.01.2026).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 14.02.2026

Принята к публикации: 17.04.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 14.02.2026

Accepted for publication: 17.04.2026

Информация об авторах:

Чуллиев Шухрат Аскарлович, заведующий Сектором анализа в сфере общественно-политического развития Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан (100031, Ташкент, ул. Мирабад, д. 15), e-mail: sh.chulliev@mail.ru

Information about the authors:

Chulliev Shukhrat A., head of the analysis department in the field of socio-political development at the Institute of legislation and legal policy under the President of the Republic of Uzbekistan (100031, Tashkent, Mirabad str., 15), e-mail: sh.chulliev@mail.ru